
Рита Морозова
МАГИЯ
И
ПРЕДРАССУДКИ

Рита Морозова
Магия и Предрассудки

https://litres.ru/74887724
SelfPub; 2026

Аннотация

София Воронцова и Агата Рублева просто хотели в шутку вызвать мистера Дарси с помощью добытого из университетской библиотеки "Гримуара Графа Сен-Жермена". Но все пошло не по плану. И вот Соня приходит в себя в грязи на разбитой телегами дороге, одетая в свою любимую пижаму с совами, с босыми ногами и без средств связи. Куда она попала? Как вернуться домой? И главное - где Агата? Повезло, что мимо проезжал всадник, предложивший Соне помощь и не позволивший ей замерзнуть.

Книга для любителей Джейн Остин

Содержание

1 4
2 24
3 38
3.1 47
4 58
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Рита Морозова
Магия и Предрассудки

1

София Воронцова к третьей паре окончательно забыла, зачем она поступила на филологический факультет. За окном маячил серый питерский апрель, не решавшийся стать весной, а в аудитории пахло меловой пылью, старыми партами и надеждой на скорейшие выходные. Преподаватель старославянского, человек, напоминающий доброго, но уставшего гнома, выводил на доске буквицу «Ѣ» и говорил о фонетических законах, от которых у Сони медленно, но верно стекленели глаза.

«Интересно, – думала Соня, рассеянно водя ручкой по тетради, *– а где вообще нормальные парни прячутся? С одногруппниками не повезло, большинство уже в отношениях, а те, что без них, странные фрики, в библиотеке – пыльные старички, в магазине – только кассиры-мигранты. Романтика, блин...»* Она поймала себя на этой мысли, и сама же смутилась. Глупости какие. Двадцать лет, курсе на третьем уже положено понимать, что принцы бывают только в книжках, которые она так любит. Но где-то глубоко внутри, под слоем здравого смысла и застенчивости, жила дурацкая,

почти детская надежда: а вдруг и на ее улице перевернется грузовик с парнями? Вдруг появится кто-то, с кем не надо будет притворяться общительной, с кем можно просто молчать рядом и чувствовать себя в безопасности?

Она покосилась на соседку по парте. Катя, бойкая брюнетка, строчила конспект и одновременно переписывалась в телефоне, спрятанном под партой. Пальцы так и летали по экрану, а на губах застыла загадочная улыбка. Наверняка с парнем. У Кати всегда кто-то был. Соня вздохнула и уткнулась в тетрадь. У нее – только книги по символизму и сухие травы на подоконнике. Красиво, но холодно. Иногда так хотелось, чтобы кто-то живой, теплый, настоящий зашел к ней в квартиру и сказал: «Как у тебя тут уютно. Можно, я останусь?» Но кто зайдет, если она сама боится лишний раз из дома выйти?

– Воронцова, – раздался голос со стороны кафедры. – Переведите, пожалуйста, этот отрывок из «Изборника» Святослава.

София вздрогнула, оторвав взгляд от конспекта, где рядом с лингвистическими терминами она неосознанно рисовала пентакли и переплетающиеся узоры. Текст на доске казался набором загадочных символов, ключ к которым был утерян где-то между десятым веком и ее скучающим сознанием.

– «Иже… чьтеть книгы, беседуеть с… с праотцы и мудрецы…» – начала она неуверенно, чувствуя, как краснеют

уши. – «Кто читает книги, тот беседует с праотцами и мудрецами».

– Примерно так, – кивнул преподаватель, и София выдохнула. Примерно так – это ее девиз последние три года.

Пары закончились заползающим за тучи солнцем. Соня вышла из здания и, как всегда, чуть замешкалась на крыльце, пропуская вперед шумный поток студентов. Кто-то громко смеялся, обсуждая вечеринку, кто-то нервно курил перед зачетом, какая-то пара целовалась, никого не стесняясь. Девушка чувствовала себя инопланетянкой, наблюдающей за жизнью землян через защитное стекло. Она поправила лямку рюкзака, набитого потрепанными томами по лингвистике и парочкой куда более интересных книг в потертых обложках: «Основы символизма в западноевропейской алхимии» и «Славянские обереги: между мифом и практикой», и быстро зашагала к метро, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Она не считала себя ведьмой. Боже упаси. Она была исследователем. Любопытствующим. Искателем паттернов в хаосе мира. Если мир настойчиво предлагал серые будни, параноию из-за дедлайнов и вечную нехватку денег, почему бы не поискать в нем щелочки, откуда сочится что-то иное? Пока однокурсницы переживали из-за мальчиков и селфи, Соня переживала из-за того, правильно ли она перевела древний символ. Ее увлечение было попыткой добавить в реальность субтитры на языке, которого она не понимала, но чья красота ее завораживала.

Комната в съемной «однушке» на окраине была ее святилищем. Здесь можно было не надевать маску «нормального человека». Книги теснились на полках, громоздились стопками на полу, прятались в коробках под кроватью. На подоконнике сушились пучки мяты и зверобоя, купленные на рынке больше для атмосферы, чем для реального применения. Ароматические свечи в виде амулетов стояли рядом с ноутбуком, на заставке которого красовался готический собор в тумане. Здесь было уютно, немного сумбурно и пахло старой бумагой, ванилью и тишиной.

Ее размышления о том, не сжечь ли сегодня свечу для «привлечения ясности ума» (что бы это ни значило, но вдруг сработает перед завтрашним семинаром), прервал звонок в домофон. Соня вздрогнула от неожиданности – она привыкла, что в это время ее никто не тревожит.

– Это я, открой! Несу топливо для твоих оккультных изысканий! – раздался жизнерадостный голос в трубке.

Через пять минут в комнату ворвался вихрь в рыжей куртке, несущий впереди себя коробку с пиццей «Пепперони» и пакет из «Магнита». Соня невольно улыбнулась: появление Агаты всегда было похоже на включение яркого света в полутемной комнате.

– Смотри, что я нашла! – Агата Рублева, лучшая и, по сути, единственная подруга, способная терпеть Сонины «загоны», сбросила куртку на стул. – «Энергетик» со вкусом дракона! Как тебе? И пицца. И сплетни. Надя из группы расста-

лась с Артемом, потому что он назвал ее диплом по постмодернизму «интеллектуальным онанизмом». Ты представляешь? Я уже прикидываю, как завернуть эту фразу в статью для студенческой газеты. Цинизм века!

Агата была противоположностью Соне. Практичная, с острым, как бритва, умом и таким же острым языком, она училась на журналиста и рассматривала мир как поле для сбора интересных, а лучше скандальных, материалов. В ее вселенной не было места недоказуемым сущностям, но было много места для иронии и людей, за которыми интересно наблюдать. Соня была для нее идеальным «объектом наблюдения» – загадочным, тихим и абсолютно не таким, как все.

Внешне они тоже казались противоположностями. Темноволосая, бледнокожая Соня была на голову ниже длинноногой загорелой блондинки Агаты. И часто чувствовала себя рядом с бойкой подругой как дочка рядом с мамой – спокойно и уверенно. Агате же, видимо, тоже нравилось покровительствовать над Соней, и она частенько этим пользовалась, внушая ей какие-то свои мысли на счет того или иного события. В общем, каждый из них находил в другой то, что ему откликалось.

– Мои изыскания сегодня ограничились старославянским, – вздохнула Соня, принимая дар пиццы. – Чуть не уснула на пятом склонении. Препод сказал, что я перевожу «примерно так». Это становится моим жизненным кредо.

– Ну, «примерно так» – это уже неплохо, – усмехнулась

Агата, усаживаясь по-турецки на ковер (стулья она принципиально игнорировала). – Могла бы перевести «совсем не так». А я вот думала о твоем «гримуаре графа Сен-Жермена». Ты все еще одержима этой байкой?

София зажгла одну из свечей – просто для настроения. Она всегда чувствовала себя немного неловко, когда Агата вот так прямо спрашивала о ее увлечениях. Слишком уж они были разными: Агата жила в мире людей и событий, а Соня – в мире символов и теней.

– Это не байка. Марина из библиофонда говорила, что книга существует. Толстый фолиант в кожаном переплете с железными застежками. Привезли в составе какой-то частной коллекции лет двадцать назад и с тех пор пылится в спецхране. Никаких шифров, просто стоит на полке.

– И что в ней такого? Тоже сборник рецептов от всех болезней? – Агата откусила большой кусок пиццы.

– Вроде как суть книги в связывании между собой миров. Разные обряды для призыва сущностей. Демонов там или ангелов… Заговоры… Марина видела ее мельком, когда фонд переезжал. Сказала, что от нее веет… холодом. Буквально.

– Ого, – Агата не выглядела впечатленной. – Холодный железный предмет в неотапливаемом подвале. Сенсация. Ладно, а зачем она тебе?

София пожала плечами, чувствуя знакомый прилив энтузиазма.

– Не знаю. Увидеть. Сфотографировать. Может, это ка-

кой-то уникальный лингвистический памятник. Или… – она понизила голос, – артефакт.

– Артефакт, – повторила Агата, закатывая глаза. – Соня, милая, у тебя лавка сушеных трав на окне и сборник заговоров от сглаза в электронной книге. Ты не ведьма, ты – эстет от эзотерики. Не обижайся. Это даже мило. Ты собираешь красивые фантики от тайн, но внутрь заглядывать боишься.

Соня покраснела, но не от обиды, а оттого, что Агата попала в точку. Она действительно боялась. Боялась, что однажды эти символы перестанут быть просто красивыми картинками. Что мрак, о котором она читает, окажется настоящим. И что ей, со всей ее неуверенностью, придется с ним столкнуться.

– Я и не обижаюсь! – София все же почувствовала укол. – Мне просто интересно. Это как… квест. Безопасное приключение. А ты чем вчера занималась?

– Смотрела старый сериал, «Гордость и предубеждение», с моим любимым Колином Фертом. В сотый раз. – Агата вздохнула уже театрально. – И снова впала в экзистенциальный кризис. Где мой мистер Дарси? Где этот высокомерный, богатый, в итоге ранимый и прекрасный мужчина, который будет бродить по туманным полям в мокрой рубашке и любить меня вопреки классовой розни?

– Он вымышленный, – констатировала София, откусывая пиццу. Ей всегда казалось странным это Агатино томление по идеалу. При ее-то практичности и цинизме.

– Вот именно! – Агата вскочила и начала расхаживать по комнате, размахивая куском пиццы как указкой. - Вечный идеал, которого не существует. И все мы, бедные дурочки, мечтаем о фантоме. Мы меряем реальных мужиков выдуманным Дарси, и, естественно, они все проигрывают. Это ловушка, Соня! Ловушка, расставленная Джейн Остин двести лет назад. Иногда думаю, хорошо бы его материализовать, этого Дарси, дать ему подзатыльник, а потом уже разбираться. Или взять интервью. «Мистер Дарси, как вам живется с осознанием того, что вы разрушили жизни миллионов женщин?»

Соня хихикнула, представив Агату с микрофоном и мистера Дарси в цилиндре, растерянно оглядывающегося по сторонам.

Агата задумалась, остановилась посреди комнаты, и ее лицо озарила хитрая улыбка. Соня знала эту улыбку: сейчас подруга выдаст какую-нибудь авантюру.

– Слушай, а что если?

– Ну, твоя книга. Ты говорила, в ней «принципы соединения миров» и прочая лабуда. А что, если мы подойдем к этому с научно-мистической точки зрения? Как к эксперименту?

Соня насторожилась еще сильнее. Агата в роли экспериментатора пугала ее больше, чем любая мистика.

– Какому эксперименту?

– Давай попробуем! Найдем эту книгу. Если там есть ка-

кой-то ритуал «призыва» или «открытия врат», используем его! – глаза Агаты горели азартом. – Но не для вызова демона или духа. Это банально. Давай вызовем… архетип!

– Архетип?

– Да! Самый устойчивый, самый узнаваемый романтический архетип в мировой литературе! Мистера Дарси! – Агата картинно указала пальцем в потолок. – Это же гениально! Мы проверим, работает ли эта ерунда, и хорошо посмеемся. Если вдруг, как в самом диком сне, что-то дрогнет в основах мироздания, у меня будет журналистский материал века: «Как две студентки материализовали литературного героя, или За что я не люблю Джейн Остин». А если нет – ну, повеселимся. Ведьмачьи посиделки с пиццей устроим. Представляешь заголовок? «Новая методика борьбы с одиночеством: вызови себе мужа по книге!»

Сонино сердце екнуло. Это была идея. Глупая, безумная, но захватывающая. И, что важно, она исходила от Агаты – человека, который гарантированно не даст всему этому превратиться в слишком серьезный, пугающий ритуал. Присутствие Агаты было для Сони чем-то вроде страховочного троса. С ней можно было рискнуть заглянуть в пропасть, зная, что она же первой и посмеется, если ничего не случится, или вытащит, если случится что-то не то.

– Ты же не веришь ни во что из этого, – напомнила София, все еще сомневаясь.

– Я верю в силу хорошей истории, – парировала Агата,

сверкнув глазами. – И в силу твоего любопытства. И, если честно, мне просто до жути интересно, на что ты способна, когда перестанешь прятаться за своими книжками. Ну что, охотимся на фолиант?

Охота началась на следующий день. София, дрожа от волнения (и от страха, что ее сейчас разоблачат), подошла к стойке в университетской библиотеке. За ней сидела Татьяна Викторовна, женщина с лицом, высеченным из гранита библиотечных правил. Соня всегда ее побаивалась – такие люди не понимают «примерно так», им нужен точный порядок.

– Здравствуйте, Татьяна Викторовна, – начала Соня, стараясь, чтобы голос не дрожал. Она репетировала эту речь полчаса, лежа прошлой ночью без сна. – Я пишу курсовую по палеографии, сравнительный анализ графики кириллических рукописей XVII-XVIII веков. Мне бы очень хотелось поработать с оригинальными источниками из закрытого фонда. Для… для полноты исследования.

Татьяна Викторовна посмотрела на нее через толстые стекла очков. Взгляд был тяжелым, рентгеновским. Соне показалось, что библиотекарь видит ее насквозь – и дурацкую легенду, и трусливую душу.

– Студенческий, – женщина протянула ладонь, и Соня вложила в нее дрожащей рукой удостоверение. Библиотекарь тут же вбила что-то в компьютер. – Так. Воронцова. Третий курс. Доступа в закрытый фонд нет. Вы подавали заявку на сайте? Или, может, есть письмо от научного руково-

дителя?

– Нет, я думала, можно как-то быстро оформить… – начала Соня, чувствуя, как к глазам подступают слезы отчаяния. Агата будет смеяться. Она не справилась с самым простым заданием. – А у меня сдача уже через неделю.

Она несла какую-то околесицу. Все курсовые сдаются не раньше мая, а сейчас только начало апреля. Поверит ли библиотекарша? Конечно, нет!

– Я вам очень сочувствую, Воронцова. Но без оформленного разрешения выдать книги не могу, – пробубнила женщина, протягивая Соне ее студенческий.

– Понимаю. Спасибо.

Наверное, Соня выглядела настолько расстроенной, что лицо женщины вдруг смягчилось. И она шепотом, почти заговорщицки произнесла:

– Сегодня после шести я делаю инвентаризацию в третьем подсобном помещении. Там как раз часть коллекции Левицкого, которую не успели внести в каталог. Дверь будет открыта. Я уйду на ужин ровно в половине седьмого. Инвентаризация – процесс кропотливый. Иногда что-то можно не заметить или… забыть внести в каталог. Так бывает, что книги теряются, а потом через день, или максимум через два снова находятся.

София растерянно кивнула, онемев от неожиданности и облегчения. Гранит оказался с трещинкой. Или, может быть, Татьяна Викторовна тоже когда-то была молодой и любопыт-

ной?

– Я… Спасибо вам огромное!

– Не понимаю о чем вы, Воронцова.

Татьяна Викторовна пожала плечами и стала заниматься своими делами, больше не обращая на Соню никакого внимания. Соня вылетела из библиотеки на ватных ногах, с колотящимся сердцем. Ей одновременно хотелось смеяться и плакать. Она это сделала. Почти сделала.

В шесть тридцать пять София, дрожа от холода и волнения, прокрадывалась в полуподвальное помещение библиотеки. Воздух здесь был другим: густой, спертый, пропитанный запахом пыли, сырой бумаги и времени. Длинные стеллажи уходили в полумрак, едва освещенные тусклыми лампами дневного света. Она включила фонарик на телефоне.

Она искала не по названию – его не было. Она искала по ощущению. И оно возникло почти сразу: холодное, тянущее чувство где-то в районе солнечного сплетения. Она подошла к дальнему стеллажу. На средней полке, между потрепанным томом «Актов земского собора» и сборником проповедей, стояла Книга.

Она была даже массивнее, чем представлялось. Толстый кожаный переплет темно-бордового, почти черного цвета, потрескавшийся и потертый по краям. По центру – тусклое, едва читаемое тиснение, напоминающее сплетение корней или вен. Массивные железные застежки, покрытые патиной, плотно смыкались. София протянула руку и дотронулась до

переплета. Металл был ледяным, несмотря на температуру в помещении.

Сердце колотилось где-то в горле. Девушка осторожно взяла книгу. Та была тяжелой, почти одушевленной. София попыталась отстегнуть застежку. Та не поддавалась, будто намертво прикипела. Она приложила больше усилий – ничего. Отчаявшись, девушка просто прижала фолиант к груди, быстро сунула в сумку, набросала короткую записку для библиотекарши и, озираясь, выскользнула из подсобки. Как она будет возвращать фолиант обратно Соня старалась не думать.

Дома, под одобрительные возгласы Агаты, они положили книгу на середину ковра в Сониной комнате. Агата, в отличие от Сони, не почувствовала ничего, кроме любопытства. Она тут же попыталась открыть фолиант, но тщетно.

– Ничего себе тяжесть, – присвистнула она, пытаясь поддеть застежку ногтем. – Как будто сварена намертво. Может, нужен пароль? «Сезам, откройся»? Или отпечаток пальца? Только чьего? Сен-Жермена?

– Может, нужно тепло, – предположила София. Она помнила ощущение холода, но подумала, что, возможно, ключ в обратном. Она приложила ладони к переплету, закрыла глаза и попыталась передать книге свое тепло, свое уважение, свое искреннее желание понять.

И в тот же миг железные застежки с глухим, скрипучим звуком – ЩЕЛК – расстегнулись сами собой.

Агата подпрыгнула и отшатнулась.

– Ни хрена себе фокусы! – выдохнула она. – Сонька, ты чего, реально ведьма? Колись, давно практикуешь?

Соня испуганно отдернула руки. Она не ожидала, что сработает.

– Я просто... попросила, – прошептала она.

На страницах не было ни иллюстраций, ни украшений. Только плотные колонки текста, написанные причудливым, угловатым почерком. Бумага была толстой, желтоватой, с вкраплениями темных волокон. От листов тянуло не пылью, а холодом, как от открытого морозильника, и едва уловимым запахом… озона? Статического электричества?

– Вау, – прошептала Агата, уже без иронии. Она протянула руку, чтобы коснуться страницы, но в последний момент отдернула. – Это… серьезно. Сонь, это реально серьезно. Ты чувствуешь?

Соня кивнула. В комнате будто стало тише. Даже звуки с улицы – редкие машины, чьи-то шаги – словно отодвинулись, стали ватными.

– Надо перевести, похоже на латынь. Думаю, даже гугл-переводчик с этим справится…– сказала Соня, и в ее голосе прозвучала решимость исследователя, нашедшего Розеттский камень. Страх отступил перед жгучим любопытством.

Процесс перевода затянулся на несколько часов, оказалось, что это была не латынь в чистом виде, а скорее набор слов из разных языков: испанского, португальского, ита-

льянского и французского. Слов было много, почерк сложный.

– Этот Сен-Жермен настоящий псих либо гений писать на стольких языках вперемешку, – пробормотала Агата переводя отдельно каждое слово в переводчике.

Пицца закончилась, энергетик «со вкусом дракона» был давно выпит. Свечи догорали. Но азарт не угасал. К полуночи книга была наконец-то переведена.

Это были не заклинания в привычном смысле. Это был… трактат. Текст говорил о «принципах соединения миров», о «тонких пленках реальности», о «нарративных полях» – устойчивых скоплениях историй, мифов, архетипов. Описывались методы «создания врат между сном и явью», «призыва сущностей из нарративного поля» с помощью «искреннего намерения, обращенного в пустоту между строк».

– Нарративное поле, – повторила Агата, ее глаза блестели от усталости и возбуждения. – Значит, истории – это реальные места? Слои?

– Похоже, что так. И в них можно проникнуть. Или вызвать оттуда… эхо. Архетип, как ты и говорила.

Агата встала и прошлась по комнате.

– Так. Значит, теория есть. Практика – вот она, – она кивнула на книгу. – Здесь, на семьдесят восьмой странице, вроде как описан ритуал «призыва». Хорошо, что он хоть здесь картинку соизволил нарисовать. Нужен круг, свечи, вещь, связанная с призываемым, и четкая вербальная формула с

указанием цели. Соф, ты понимаешь, что это? Мы можем провести самый дурацкий эксперимент в истории! Вызвать не духа, а… идею. Литературного персонажа!

– Это безумие, – выдохнула Соня, но ее глаза тоже горели.

– Абсолютное! – согласилась Агата. – Поэтому надо делать. Сегодня. Пока не одумались. Глядишь, у меня к утру будет личный Дарси, чтобы таскать за меня сумки и смотреть свысока на моих одногруппников.

Подготовка к «эксперименту» напоминала театральную постановку. Агата руководила процессом, как заправский режиссер: она командовала, где чертить круг, куда ставить свечи, в каком порядке раскладывать «артефакты». Соня же молча выполняла, чувствуя себя немного неуютно. Ей казалось, что они играют с огнем, но уверенность подруги заражала.

Со смехом и шутками они начертили на полу круг солью («как в фильмах! – комментировала Агата. – Только обычно солью очерчивают, чтобы демон не вышел, а нам наоборот – чтобы вошел!»). Расставили по периметру все ароматические свечи, какие нашлись у Сони – пахло теперь ванилью, ладаном и корицей, создавая сюрреалистичный коктейль. В центр круга, на открытую книгу, положили распечатанный на цветном принтере портрет Колина Ферта в роли Дарси – это была «вещь, связанная с призываемым».

– «Искреннее намерение, обращенное в пустоту нарратива», – процитировала София, стоя на коленях перед кругом.

– А что, если оно недостаточно искреннее?

– А мы представим, что искреннее, – решила Агата. – Я очень искренне хочу посмотреть, как он материализуется и что скажет. Ну, или как ничего не произойдет, и мы будем ржать до упаду. Начинаем?

Они взяли распечатанный ими же приблизительный перевод ритуала. Начали читать нараспев, пародируя завывания из готических фильмов.

– «О, врата меж мирами, тонкие пленки бытия… растворяйтесь пред силой слова!» – бубнила Соня, стараясь не фыркнуть.

– «Пусть пустота нарратива отзовется на зов наш!» – подхватила Агата с пафосом оперной дивы.

Сначала ничего не происходило. Только свечи трепетали от их дыхания. София почувствовала приступ стыда и облегчения: вот и все, фарс окончен.

И тут пламя свечей вдруг вытянулось вверх, став тонкими, ровными, неестественно желтыми столбиками. Воздух в комнате застыл, звуки с улицы – шум машин, чьи-то голоса – стихли, словно кто-то выключил звук. От страниц книги на полу потянул резкий, холодный ветерок.

Шутки смолкли.

– Соня… – тихо позвала Агата.

Страницы фолианта сами начали перелистываться. Медленно, с гулким, скрипучим звуком, будто кости трутся о камень. Символы на них словно пошевелились, заструились в

темноте.

– Читай дальше, – прошептала София, ее голос дрожал. Это уже не было игрой.

Они продолжили, голоса стали тише, серьезнее. Агата, дойдя до ключевой фразы, глубоко вдохнула и произнесла четко:

– «Пусть врата откроются для архетипа Фицуильяма Дарси из нарративного поля Джейн Остин!»

Она выдержала паузу. В комнате повисла звенящая тишина. И тогда Агата, глядя на портрет актера, добавила уже совсем тихо, шепотом, полным нечаянной, неподдельной тоски, которой не было в их первоначальном плане:

– Только, пожалуйста… чтобы он был как в книге… настоящий…

– А мне любого парня, нормального, можно и не Дарси… – брякнула Соня, решив, что раз уж пошли исполнения желаний, то чем она хуже. Да и Дарси один, а их двое.

Это была та самая деталь, та самая искренность, которой недоставало ритуалу.

Книга вздрогнула.

Железные застежки с оглушительным грохотом отлетели в разные стороны, одна врезалась в стену. Фолиант взмыл в воздух и завис в метре от пола, страницы его зашелестели, стали перелистываться с бешеной скоростью. Из центра книги, из переплетения непонятных символов, вырвался не свет, а что-то обратное свету – воронка из сгущающейся черно-

ты и тихого, нарастающего шепота, в котором мелькали обрывки фраз: «…гордость… предубеждение… десять тысяч в год… совершенно невыносимо…»

Вихрь, холодный и влажный, как дыхание подземелья, закрутился в комнате. Он подхватил бумаги с дивана, сдул плед, закачал пламя свечей, теперь полыхавших синим и зеленым. Волосы девушек встали дыбом, их отбросило к стенам.

– АГАТА! – закричала София, пытаясь пересилить рев нарастающей воронки.

Вихрь усилился. Книга в его центре пульсировала, как черное сердце. Шепот перешел в гул. София увидела, как Агата, широко раскрыв глаза от ужаса, тянется к ней. Она из последних сил оттолкнулась от стены и ухватилась за руку подруги. Пальцы сцепились в мертвой хватке.

Их оторвало от пола.

Это было не падение, а всасывание. Их затягивало в ту самую воронку, в черный зев, разверзшийся на месте книги. София в последний момент увидела, как страницы фолианта разлетаются по комнате, как гаснут свечи, как портрет мистера Дарси, подхваченный вихрем, проносится мимо ее лица и исчезает в черноте.

Потом не стало комнаты. Не стало пола, запаха ванили, света. Стало холодно, тесно и невыносимо шумно от гула, который теперь звучал прямо в костях. Она все еще держала руку Агаты. И это было единственное, что еще связывало ее

с чем-то реальным, прежде чем чернота накрыла их с головой и унесла в никуда, в пустоту между строк, в разверзшиеся врата нарратива. В последний момент пальцы Сони выскользнули из руки Агаты. Девушка вскрикнула, но ее голос затерялся в вихре, как дождевая капля в море.

2

Сознание возвращалось к ней не вдруг, но медленно и как бы нехотя, малыми долями. Первым чувством, посетившим ее, был холод – пронзительный, жестокий холод, пробиравший до костей сквозь тонкую ткань. Затем, когда способность ощущать вернулась, ее обоняния коснулся запах, столь не похожий на те, что ей были привычны. Лишь сырая земля, прелая листва, да тот грубый, неприкрытый дух деревенской жизни, что она никогда ранее не знала. И наконец, к ней пришел слух, дабы сообщить, что тишина сия отнюдь не есть тишина городская, а глубокая, сельская тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в обнаженных ветвях да печальным карканьем ворона.

София открыла глаза. Над нею простиралось небо – низкое, свинцовое, безнадежное; сплошная пелена облаков извергала на землю мелкий, колючий дождь. Она лежала на спине. Не на своем ковре с абстрактным узором, а на чем-то твердом, неровном и мокром. С трудом повернув голову, она увидела справа глубокую колею, наполненную мутною водой, что убегала в туманную даль меж голых, корявых деревьев; слева же простиралось поле – бурое, унылое, поросшее жухлою травой и утыканное редкими чахлыми кустами.

«Так, – подумала она с тем странным, ледяным спокойствием, что посещает нас лишь в первые мгновения после

великих потрясений, покуда ум наш еще не осознал всей глубины бедствия. – *Я не дома. Это точно не Питер. Питер так не пахнет. Питер пахнет сыростью, но по-другому, городской сыростью, а здесь… здесь пахнет землей, лесом и… навозом. Навозом, Господи. Где в современном мире пахнет навозом? Только если я не в современном мире».*

И тут паника, подобно удару молнии, разрушила ее оцепенение. Она села столь поспешно, что мир закружился пред ее глазами; голова нестерпимо болела. Взглянув на себя, она обнаружила, что облачена в свою старую фланелевую пижаму, столь неподобающую для появления на публике, что мысль об этом заставила ее содрогнуться. Ноги ее были босы, если не считать тонких носков, уже насквозь промокших и перепачканных грязью. Ни куртки, ни телефона, ни рюкзака. Ничего.

«Что за хрень с нами произошла?» – мелькнула в голове мысль. А затем: – *«И где Агата? Нас ведь вместе затянуло!»*

– Агата? – позвала она, и голос ее, хриплый и слабый, прозвучал столь жалко, что она сама себе удивилась. – Агата!

Ответом был лишь ветер, завывающий в голых ветвях. Соня поднялась, пошатываясь; ноги ее утопали в холодной, липкой грязи. Оглядевшись по-настоящему, она узрела лишь ухабистую проселочную дорогу, убегающую в никуда, поля да темную чащу леса вдалеке, и сердце ее упало. Ни домов, ни огней, ни проводов, ни асфальта.

«Это не Россия. Это даже не мой век. Проводов нет. До-

рога грунтовая, разбитая телегами. Телегами! – Она чуть не хихикнула от нервного напряжения. – *Значит, либо я попала в какую-то глухую деревню, где до сих пор нет электричества, либо…»*

«Нарративное поле. Врата. Архетип». Слова из перевода всплыли в памяти с ясностью, от которой закружилась голова. Ритуал сработал. Сработал слишком хорошо. Он не призвал Дарси. Он засосал их самих. В книгу. В историю. В черт знает что.

– АГАТА! – закричала она, и крик сей, исполненный чистого животного страха, был тотчас поглощен пустотой. Лишь эхо, отраженное дальним лесом, донеслось до нее, да чувство полнейшего, абсолютного одиночества усилилось стократ.

Она была одна. В пижаме с совами. В грязи. В каком-то чертовом девятнадцатом, а то и восемнадцатом веке, судя по отсутствию малейших признаков цивилизации. Без денег, без документов, без знаний, как тут выжить. Без подруги.

Истерика подкатила к горлу горячим комом. Она сглотнула ее, стиснув зубы.

«Так. Спокойно. Паниковать нет смысла. Агата бы сейчас сказала: „Соф, соберись, тряпка! Некогда в истерике биться, надо думать“. Хорошо. Думаем. – Она зажмурилась, пытаясь выстроить логическую цепочку. – *Если я действительно в книге, наверняка здесь должны быть и ее персонажи. Книга-то на английском, Остин. Значит, я в Англии.*

Век, судя по всему, начало девятнадцатого. Дорога, поля, лес – похоже на сельскую местность. Где-то должны быть люди. Поместья, деревни. Надо только их найти. Найти людей, попросить помощи. А потом найти Агату. Она где-то здесь. Она не могла исчезнуть. Мы вместе влетели в эту воронку. Держались за руки. Значит, и здесь мы должны быть рядом. Просто… просто она упала где-то в другом месте».

Она еще раз оглядела дорогу. Грунтовая, разбитая колесами тяжелых повозок, с глубокими лужами. Не похоже на ухоженную дорогу возле поместья из фильмов. Это глухомань. Растения… Деревья стояли голые – стало быть, поздняя осень либо ранняя весна. Трава зеленела, склоняя ко второму. Англия? Возможно. Но какая-то унылая, непарадная.

Соня ощупала себя. Пижама, носки. Больше ничего. Даже резинки для волос нет. Волосы растрепаны, лицо, наверное, в грязи.

«Черт, я выгляжу как чокнутая нищенка или беглая преступница. Ни один здравомыслящий человек не пустит меня и на порог!» – с горечью подумала она.

И столь явственно представилась ей вся ее уязвимость, вся беспомощность, что сердце ее сжалось от страха. В сем мире, в сем одеянии, с нею могли сделать что угодно – и никто бы и не спросил.

«И ведь я же мечтала о романтике! О приключениях! О

том, чтобы встретить кого-то необычного! – Она горько усмехнулась. – *Мечты сбываются, идиотка. Вот тебе приключение. Вот тебе Англия. Вот тебе, возможно, даже настоящий джентльмен где-нибудь в поместье. Только ты стоишь босиком в грязи в пижаме с совами и молишься, чтобы тебя не убили разбойники. Красота. Агата бы сейчас ржала надо мной как ненормальная*».

Отчаяние вновь накрыло ее волною. Она прислонилась к мокрому стволу дерева, пытаясь унять дрожь. Что делать? Куда идти? И главное – где Агата?

Внезапно ее слух уловил новый звук. Четкий, ритмичный, глухой стук. Сначала издалека, потом ближе. Стук копыт по грязи. Одинокий всадник.

Инстинкт самосохранения сработал раньше мысли. София метнулась с дороги, спотыкаясь, в промокшие кусты у поляны и присела за густым, колючим терном. Сердце ее билось столь громко, что, казалось, его слышно за версту.

Из тумана медленно выступила лошадь – гнедая, крепкая. На ней сидел молодой человек, одетый не в парадный сюртук, но в практичное дорожное одеяние: простой фрак из плотного сукна, высокие сапоги, плащ с капюшоном, откинутым на плечи. Черты его лица трудно было разглядеть в сем тусклом свете, но осанка выдавала человека, привыкшего держаться в седле уверенно и без излишнего щегольства. Взор его был задумчив и устремлен вдаль.

София затаила дыхание.

«Господи, он не должен меня заметить! Иначе сдаст в местную полицию или сразу в психушку, какая здесь есть? Бедлам? Проезжай мимо! Господи, сделай так, чтобы он проехал мимо. Я не готова к контакту, я не знаю, как с ними разговаривать, я даже не знаю, какой сейчас год!» – взмолилась Соня, зажмуриваясь, аки маленький ребенок, решивший сыграть в прятки: не вижу я – не видят меня.

Это немыслимое ребячество вызвало внутри девушки приступ мимолетного веселья, после чего та вновь решила открыть глаза.

«*Проезжай мимо!* – взмолилась она мысленно. – *Ты меня не видел, я тут просто куст, обычный английский куст, ничего интересного…*»

Лошадь, поравнявшись с ее укрытием, вдруг беспокойно захрапела и шарахнулась в сторону, упираясь. Всадник мгновенно успокоил ее, но его взгляд его уже устремился в сторону кустов. И он увидел.

Увидел мелькнувший среди голых ветвей кусок фланелевой ткани с совами. Увидел бледное, испуганное лицо с огромными глазами. Увидел босые, грязные ноги.

«*Сейчас закричит*, – обреченно подумала Соня. – *Или достанет пистолет. Или пошлет лошадь галопом и вызовет подмогу. Все, приплыли*».

Он не вскрикнул. Не достал пистолет или шпагу. Лицо его, при ближайшем рассмотрении оказавшееся приятным, правильных, хотя и несколько строгих черт, выразило не

страх, но глубочайшее, совершеннейшее недоумение, смешанное с осторожною жалостью. Прямой нос и твердый подбородок выступали особенно отчетливо в рассеянном свете хмурого апрельского утра, а в карих глазах его отражалось низкое, тяжелое небо.

«*Красивый*, – невольно отметила она, несмотря на всю свою панику. – *Настоящий красавчик. Как с картинки. Вот бы при других обстоятельствах…* – Она тут же одернула себя. – *Ты совсем с ума сошла? Ты в грязи сидишь, в пижаме, сейчас тебя арестуют, а думаешь о парнях!* »

Мужчина медленно, чтобы не спугнуть, спрыгнул с седла, встряхнув головой, и ветер тотчас же растрепал слегка вьющиеся каштановые волосы. Привязав коня к ветке, он сделал несколько шагов в ее сторону и остановился на почтительном расстоянии.

– Мисс? – произнес он. Произнес он голосом ровным, баритональным, не содержащим и тени угрозы.– Вы в беде?

София, прижавшись к колючему кусту, могла только смотреть на него, не в силах вымолвить ни слова. Мысли ее лихорадочно метались.

«Что ему ответить? Кто я такая? И почему в пижаме на дороге? Правду? «Я из будущего, меня засосало сюда книгой»? Меня сожгут на костре к вечеру!»

Единственный возможный выход, сколь ни был он глуп и шаток, осенил ее. Она прижала ладони к вискам, сделала глаза еще шире и выдавила из себя шепот, полный надтрес-

нутой паники, которая отчасти не была наигранной.

– Я… я не знаю. Не помню.

Молодой человек нахмурился.

– Простите, я не расслышал.

– Я не помню! – повторила она громче, и голос ее задрожал сам собой. – Не помню, кто я. Не помню, как здесь оказалась. Ничего…

Она позволила себе опуститься на колени в грязь – не столько от игры, сколько оттого, что ноги более не держали ее. Все тело ее сотрясала дрожь – от холода и от нервного потрясения.

Молодой человек замер, явно поставленный в тупик обстоятельствами, столь выходящими за рамки всякого приличия и здравого смысла. Пред ним была молодая особа, почти девица, в одеянии столь неподобающем, столь невообразимом, что оное нельзя было описать никакими приличными словами; босая, перепачканная, но явно не простого звания – руки ее были нежны и без следов работы, речь странна, но без простонародного выговора. И она утверждала, что потеряла память. Мошенничество? Но какой мошенник избрал бы столь абсурдный и опасный образ? Истинное несчастье?

«*Он думает,* – поняла Соня, глядя на его лицо. – *Пытается решить, мошенница я или правда жертва. Ну же, давай, я хорошая, я правда хорошая, я не воровка, я просто дура, которая связалась с ведьминской книгой!*»

Он вздохнул, приняв решение.

– Меня зовут Эдвард Флинт, – сказал он четко и спокойно. – Мое поместье, Хартфилд, находится менее чем в двух милях отсюда. Вы явно не в состоянии продолжать путь. Позвольте предложить вам кров и помощь.

Он не стал спрашивать ее имени. Он подошел ближе, и София инстинктивно отпрянула. Но он лишь снял с плеч свой, еще сохранивший тепло тела, плащ из тяжелой шерсти.

– Вам холодно, – заметил он просто и, не дожидаясь согласия, накинул плащ ей на плечи.

Грубая ткань пахла лошадьми, дождем и чем-то древесным, можжевеловым. Непривычный, но бесконечно утешительный в этой ледяной пустоте запах. Плащ был огромен на ней, он укутывал ее с головы до пят, скрывая пижаму. Этот жест – рыцарский, практичный и безапелляционный – стал первым якорем в ее новом, безумном мире.

– Но мои ноги… и я… – попыталась воспротивиться она, сгорая от стыда.

– Это решаемо, – перебил он. – Ежели вы позволите, я помогу вам взобраться на моего коня. Он смирный. Я поведу его под уздцы. Это будет быстрее и безопаснее для вас.

Выбора, как он и предполагал, у нее не было. Он подал ей руку, чтобы помочь подняться. Его пальцы были сильными, в мозолях от поводьев, но прикосновение – вежливо-безличным. Затем, к ее ужасу, он без лишних слов подхватил ее и посадил в седло, как ребенка. Мир снова поплыл перед глазами от неожиданности и слабости. Соня ухватилась за лу-

ку седла, чувствуя, как конь под ней беспокойно переступает копытами.

Эдвард Флинт взял коня под уздцы и, не оборачиваясь, тронулся в путь по грязной дороге, ведущей, как она теперь понимала, к его дому.

Молчание тянулось томительно долго. София, кутаясь в чужой плащ, с высоты седла озирала мир, пытаясь уловить детали. Природа была знакомой, но какой-то неотесанной, первозданно-грубой. Никаких аккуратных изгородей, только редкие, кривые заборы из жердей. Вдали, на холме, виднелась темная масса леса. В воздухе стоял запах влажной земли, дыма и еще чего-то, что она позже определила бы как запах незамысловатой человеческой жизни – кожи, пота, простой еды. Все было настоящим. Слишком настоящим. Это не было кино. Это была реальность, где пахло грязью и навозом, где ветер пробирал до костей, где ее пижама была не милым пустяком, а смертельным социальным проклятием.

«*Где Агата?* – эта мысль сверлила мозг не переставая. – *Она где-то здесь. Она не могла пропасть. Может, она упала дальше по дороге? Может, ее кто-то другой подобрал? Может, она уже в каком-нибудь поместье пьет чай и рассказывает хозяевам, что она путешественница из будущего, а они вызывают для нее карету в сумасшедший дом? Агата, скорее всего, не стала притворяться, и влезла бы в какой-нибудь скандал. Надо найти ее. Надо придумать, как ее искать*».

Соня украдкой смотрела на спину своего спасителя. Он шел ровно, не оборачиваясь, погруженный в свои мысли. Что он думал? О неприятной ответственности, которую взвалил на себя? О том, как бы поскорее сбагрить странную находку? Он решал «проблему». Она была для него проблемой. И от его решения теперь зависела ее жизнь.

«Он выглядит не старше моих однокурсников, но ведет себя как настоящий взрослый мужчина», – подумалось ей. – *«Вот чего не хватает парням в наше время – статности, мужественности и этого шарма, который, похоже, есть только у аристократов»,* – на некоторое мгновение Соня разрешила себе помечтать об отношениях с галантным кавалером лишь мгновение и тотчас одернула себя:. – «*Дура! Он ведь просто прописанный женщиной персонаж. Таких не существует в реальном мире, поэтому книги Остин так нравятся девушкам. Ты же писала про это доклад даже! Соберись, идиотка! У тебя подруга пропала, ты сама в полной заднице, а туда же, о парнях думает! Лучше бы думала, что делать дальше, когда он приведет тебя в свое поместье. Он слишком молод, чтобы владеть им в одиночку. Наверняка есть его отец, который, только взглянув на меня, может выставить за дверь».*

Они шли, казалось, целую вечность. Сапоги его утопали в грязи по щиколотку, но он не замедлял шага. Наконец дорога пошла в гору, свернула за поворот – и пред ними открылись железные ворота, распахнутые настежь, а за ними – дом.

Хартфилд не был роскошным замком. Это было солидное, каменное, двухэтажное здание в георгианском стиле, строгое, без излишеств, с симметричными рядами окон. Перед ним – ухоженный, но пустой в это время года палисадник. Из нескольких труб валил дым. Дом выглядел обжитым, спокойным и бесконечно далеким от всего, что знала София.

Эдвард повел коня прямо к крыльцу. Дверь открылась прежде, чем они подошли. На пороге замерла пожилая служанка в белом чепце и переднике, а за ее спиной мелькнуло любопытное лицо молодой девушки. Их глаза вылезли на лоб при виде хозяина, ведущего под уздцы коня, на котором сидела закутанная в мужской плащ незнакомая особа, с болтающимися из-под полы грязными ногами в мокрых носках.

«*Они думают, что я сумасшедшая* , – поняла Соня, встречаясь взглядом с молодой служанкой. – *Или падшая женщина. Или и то, и другое сразу. Господи, как унизительно. Агата бы сейчас нашла способ очаровать их одной улыбкой. А я просто сижу и краснею как рак».*

Эдвард не дал им опомниться.

– Сюзанна, – произнес он твердо, обращаясь к пожилой служанке. – Эта мисс стала жертвой несчастного случая. Ее ограбили на большой дороге, она лишилась не только вещей, но и памяти. Прошу немедленно приготовить комнату для гостьи, горячую воду и подходящая платье. С родителями я объяснюсь сам.

«*Родители*, – эхом отозвалось в голове. – *Значит, он не*

один, как я и думала. Значит, будут родители. Которые наверняка решат, что я авантюристка. Которые захотят меня выставить. Господи, помоги».

Тон его не допускал возражений. Он на ходу создавал версию, официальную, благопристойную и закрывающую все немыслимые несоответствия. Ограбление объясняло отсутствие одежды и обуви. Потеря памяти – все остальное.

– Да, сэр, – прошептала Сюзанна, бросив на Соню быстрый взгляд, исполненный жгучего любопытства и недоверия.

Эдвард помог Соне сойти с коня. Ноги ее подкосились. Он едва удержал девушку, все так же избегая смотреть ей прямо в лицо, и тут же передал в руки служанок.

– Позаботьтесь о ней, – сказал он, и в голосе его прозвучало не столько пожелание, сколько приказание.

София, укутанная в его плащ, вся в грязи, со спутанными волосами, чувствовала себя не человеком, а странным, жалким объектом, принесенным с охоты. Унижение жгло щеки. Но когда она мельком взглянула на Эдварда, она увидела не отвращение, а глубокую, озабоченную серьезность. Он покупал ей этим публичным статусом «леди в беде» временное убежище. И платил за это собственной репутацией, привезя в дом босую незнакомку в ночной рубашке.

– Мисс… – начал он, обращаясь уже к ней, и запнулся, не зная, как именовать ее.

– София, – выдохнула она, вспомнив, что это имя, по крайней мере, ее настоящее. – Меня, кажется, зовут Софи.

– Мисс Софи, – кивнул он. – Вам здесь будут рады. Постарайтесь отдохнуть и не беспокоиться ни о чем.

Эдвард слегка поклонился – формально, церемонно – и повернулся к коню, отдавая распоряжения конюху, уже выбежавшему из конюшни.

Служанка Сюзанна осторожно повела ее в дом, вверх по лестнице, мимо дверей, из-за которых доносились удивленные шепоты. София, шатаясь, следовала за нею, чувствуя под босыми ногами холодные, отполированные до блеска половицы.

«Вам здесь будут рады». Эти слова прозвучали в ее ушах ироничным эхом. Ей не были рады. Ее терпели. Ее взяли на поруки из чувства долга, смешанного с острым опасением скандала. Ее новая жизнь, жизнь в этом чужом, дышащем нафталином и правилами мире, начиналась с грандиозной, абсурдной лжи. И теперь ей предстояло эту ложь поддерживать, день за днем, не зная, найдет ли она когда-нибудь Агату и сможет ли вернуться назад. Игра началась. И первая ставка в ней – ее собственная безопасность – уже была сделана чужими руками, закутана в чужой плащ и приведена в чужой дом под взглядами полных подозрения слуг.

3

Ощущение было такое, будто ее вели не в дом, а внутрь огромного, безмолвного существа. Сюзанна, не глядя на нее, повела ее не через парадный вход, от которого еще пахло свежим воздухом и свободой, а через узкую боковую дверь, ведущую прямо в коридор для прислуги.

«*Черный ход,* – отметила она про себя, стараясь ступать осторожно, чтобы не поскользнуться босыми ногами на каменных плитах. – *Для слуг и для сомнительных личностей. Интересно, если бы я была герцогиней в диадеме, меня бы тоже повели через черный вход? Вряд ли. Здесь все решает статус. А у меня статуса нет. Я – никто, неопознанный объект. Кошмар для любого упорядоченного общества*».

Внутри пахло иначе. То был сложный, многослойный аромат, сразу ставший для Сони синонимом слова «прошлое». Воск для полов, едкий и сладковатый. Сухая лаванда, рассыпанная в шкафах для отпугивания моли. Тлеющие угли в далеких каминах. Вареная баранина, доносящаяся с кухни. Старая бумага, шерсть и каменная пыль. Воздух был прохладным, неподвижным, словно застоявшимся не в пространстве, а во времени.

София, все еще закутанная в тяжелый плащ Эдварда, ступала босыми ногами по холодным, отполированным до зеркального блеска дубовым половицам. Стены в прихожей бы-

ли обшиты темными деревянными панелями, отчего и без того скудный свет из маленьких окон казался густым, как сироп. Под ногами лежали потертые, но добротные ковры с приглушенным геометрическим узором. На стенах, в резных рамах, смотрели портреты строгих мужчин и бледных женщин в напудренных париках – предки, чьи глаза, казалось, следили за ней с молчаливым осуждением. Ничего лишнего, ничего яркого. Прочное, устоявшееся, слегка выцветшее благосостояние, в коем каждая вещь знала свое место и не смела его покинуть.

И тишина. Это поражало больше всего. Не городской гул, не грохот машин, не навязчивая музыка из соседней квартиры. Тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев где-то за стеной, далекими шагами по верхнему этажу и тиканьем огромных напольных часов в холле. Звуки здесь были приглушены тяжелыми портьерами, коврами и самими стенами. Это был мир, где не кричали. Где даже эмоции, казалось, обязаны были подчиняться правилам приличия.

«Как здесь тихо, – подумала Соня, и от этой тишины у нее заломило в висках. – *Невыносимо тихо. Я привыкла, что за стеной у соседей вечно играет музыка, что под окнами сигналят машины, что в комнате гудит холодильник и вентилятор ноутбука. А здесь... здесь слышно, как скрипят половицы под моими собственными ногами. Как дышит служанка за спиной. Как тикают часы, отсчитывая секунды моей чужой жизни. Я сойду с ума от этой тишины раньше,*

чем меня разоблачат».

В глубине коридора их встретила женщина. Не служанка – экономка. Это было видно сразу: по прямому, негнущемуся стану, по строгому, темному платью без излишеств, по связке ключей у пояса и по лицу, вырезанному из самого бескомпромиссного гранита. Миссис Бирд.

Ее взгляд, холодный и проницательный, скользнул по Софии с головы до пят, задержавшись на грязных носках, выглядывающих из-под плаща, на неподобающей ткани пижамы, на спутанных волосах. В ее глазах не было ни капли того замешательства или жалости, что были у Эдварда. Было профессиональное, почти бухгалтерское оценивание: *проблема, лишние хлопоты, потенциальная угроза заведенному порядку*.

«Она меня насквозь видит, – с ужасом поняла Соня. – *Правды она, конечно, не знает, но она видит, что я – не их круга. Что я – самозванка. Для нее я – мусор, который хозяин притащил с улицы. И она будет делать все, чтобы этот мусор поскорее вымели. Господи, как же с такими бороться? Агата бы нашла подход, она бы улыбнулась, сказала что-то вроде: „Какие у вас чудесные ключи, миссис Бирд, наверное, вы здесь самая главная после хозяев?“ И экономка бы растаяла. А я... я просто стою и краснею. Ну почему я не умею быть обаятельной?! Почему я не могу сейчас сказать эту дурацкую фразу?»*

– Комната в западном крыле готова, – произнесла жен-

щина голосом, лишенным интонаций, обращаясь к Сюзанне, будто Сони и не существовало. – Горячая вода будет через четверть часа. Я подобрала платье мисс Мэри из прошлогодних. Оно должно подойти.

Только затем она перевела взгляд на Соню.

– Мистер Флинт просил вас присоединиться к семье в голубой гостиной, когда вы приведете себя в порядок. – Это не было приглашением. Это был приказ, завуалированный под вежливость.

«Присоединиться к семье, – мысленно усмехнулась Соня. *– Звучит так, будто меня приглашают на королевский прием. На самом деле это досмотр. Будут рассматривать меня, как диковинного зверька, и решать, что со мной делать. Это даже ежику понятно... тьфу, Соня, соберись!»*

Прежде чем София успела что-то вымолвить, раздались легкие, быстрые шаги по лестнице, и в коридор влетела девушка. Лет восемнадцати, в простом, но свежем платье цвета незабудки, с тщательно убранными в тугой пучок светлыми волосами и несколькими локонами у висков. Живые карие глаза и лицо, на котором любопытство и сочувствие боролись за превосходство, довершали портрет.

– О, вы уже здесь! – воскликнула она, игнорируя мрачное присутствие миссис Бирд. – Я Мэри, сестра Эдварда. Вы, должно быть, так перепуганы! Не обращайте внимания на миссис Бирд, она у нас всегда такая, будто проглотила уксусник. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, у меня есть чу-

десное платье, оно мне немного маловато, но вам, полагаю, сойдет…

«Ангел, – с облегчением подумала Соня, чувствуя, как теплая рука Мэри берет ее под локоть. *– Просто ангел во-плоти. Если бы не она, я бы тут уже от страха умерла. Какая же она милая, искренняя, совсем не похожа на эту ледяную глыбу Бирд. Интересно, она всегда такая или только с незнакомцами? Ага, сейчас, наверное, начнет расспрашивать. Что я ей скажу? Боже, мне придется разговаривать, а я даже не представляю о чем!».*

Миссис Бирд, не сказав больше ни слова, развернулась и исчезла в полутьме коридора, а Мэри, болтая без умолку, повела Соню вверх по широкой лестнице с резными балясинами.

– …Эдвард сказал, что вы потеряли память, это же ужасно романтично! Ну, в смысле, ужасно, конечно, но прямо как в романе мисс Радклиф! Вы ничего не помните совсем? Ни своего имени? Ни откуда вы? О, мы уже пришли!

Она распахнула дверь в небольшую, но светлую комнату. Здесь пахло свежестью, мылом и, слабо, все той же лавандой. Простая кровать с пологом из белого муслина, туалетный столик с мраморной столешницей и чуть мутным зеркалом в деревянной раме, комод, стул у окна. Из окна открывался вид не на парадный подъезд, а на задний двор, где сушилось белье и копошились куры. Убежище. Или клетка.

– Вам следует отдохнуть, – сказала Мэри, внезапно пони-

зив голос, увидев, как София пошатнулась. – Я пришлю Сюзанну с водой и платьем. А потом, если вы почувствуете в себе силы, спуститесь к нам. Мама́ и папа́… они желают с вами познакомиться. Не бойтесь, они добрые. Просто осторожные.

С этими словами она выскользнула за дверь, оставив Соню наедине с самой собой и с гробовой тишиной, которая теперь казалась еще громче.

«Они хотят познакомиться, – Соня прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. – *Мама и папа. Значит, сейчас будет допрос. Что я им скажу? Что я вообще могу им сказать? Господи, Агата, где ты?! Если бы ты была здесь, ты бы придумала какую-нибудь лихую историю, они бы тебе поверили и еще бы чаем напоили. А я... я даже врать не умею. Я краснею, когда говорю неправду. Меня раскусят за пять минут».*

Первым делом София скинула плащ Эдварда. Тяжелая ткань упала на пол. Теперь она стояла в центре комнаты снова только в своей пижаме с совами. Девушка подошла к зеркалу. Отражение было пугающим: бледное, испуганное лицо, детская, чужеродная этому месту одежда. На фоне строгой обстановки она выглядела как насмешка над приличиями. Глухая волна тоски и паники накрыла ее. Где Агата? Что делать?

Соня заставила себя подойти к окну, будто там, за стеклом мог быть ответ на ее вопросы. Во дворе служанка тащи-

ла ведра, конюх чистил лошадь. Мир жил своей размеренной, непонятной ей жизнью. Она была здесь наблюдателем, случайным объектом, временной проблемой.

Пришла Сюзанна с кувшином горячей воды и простым платьем из плотной шерсти. Она молча помогла Соне переодеться, пальцы Сюзанны были быстрыми и безличными. Платье Мэри сидело чуть мешковато, что лишь подчеркивало временный статус его новой обладательницы.

«Агата бы сейчас уже подружилась с этой служанкой, – с тоской подумала Соня. – *Узнала бы у нее все местные сплетни, успела бы подготовиться к смотринам от родителей Эдварда. Ну почему я такая трусиха? Почему не могу быть, как она – легкой, открытой, смелой? Она бы уже нашла способ выбраться или хотя бы поняла, что к чему. А я... я даже не знаю, с какой стороны подступиться к этому миру»*.

Когда София, наконец, спустилась вниз, ее провели в голубую гостиную. Воздух здесь был теплее, пах пчелиным воском свечей и сушеными розами. Мистер Флинт, мужчина лет пятидесяти с седеющими висками, отложил газету. Миссис Флинт, прямая как жердь, перестала вышивать. Эдвард стоял у камина.

– А, вот и наша гостья, – произнес мистер Флинт. Голос его был ровным, без тепла, но и без враждебности. – Прошу, присаживайтесь, мисс Софи. Вы, должно быть, измотаны.

София села на краешек указанного кресла, спина прямая,

руки кротко сложены на коленях.

«Пусть видят, что я скромна и послушна. Это вроде всегда почиталось. Надеюсь, они уловили мой посыл: я не хочу доставлять вам неудобств и готова выполнять любые приказы, если вы не выгоните меня на улицу или не сдадите в Бедлам», - подумала про себя Соня, смиренно опуская глаза.

– Эдвард изложил нам суть дела, – продолжал мистер Флинт. Его умный оценивающий взгляд изучал ее. – Потеря памяти – дело серьезное. Завтра утром мы вызовем доктора. Он осмотрит вас.

– Разумеется, нельзя было оставлять даму в беде, – добавил он, и в этих словах прозвучала не эмоция, а констатация общественного долга. Его решение дать приют было актом благотворительности, возложенным на него статусом. Не более.

– Вы будете размещены в комнате рядом с Мэри, – вступила миссис Флинт. Ее высокий голос звучал будто натянутая струна. – Мы подобрали вам несколько платьев. Надеюсь, ваша память скоро вернется, и мы сможем помочь вам воссоединиться с родными.

Подтекст висел в воздухе: *Наш долг – помочь, но ваше пребывание временно. И чем скорее оно закончится, тем лучше.*

– О, мама́, не говори так! – воскликнула Мэри. – Мисс Софи нуждается в покое и заботе. И должна оставаться у нас столько, сколько захочет!

Эдвард безмолвно наблюдал за разговором.

«О чем он думает? – Соня украдкой взглянула на мужчину. – *Он привез меня сюда, он рисковал репутацией. А теперь молчит, будто его здесь нет. Может, жалеет, что подобрал меня? Может, думает, как бы поскорее от меня избавиться?».*

3.1

Она не помнила, как заснула. Очнулась от ощущения, будто провалилась в глубокий колодец и теперь медленно, мучительно всплывает на поверхность сквозь толщу воды. Сознание возвращалось обрывками, и первым, что пробилось сквозь пелену забытья, были звуки.

Соня ждала той гробовой тишины, что поразила ее вчера. Но ее не было. Была наполненность, густая, многослойная, непривычная.

Где-то далеко, за стенами, кричал петух – пронзительно, бесцеремонно, разрывая утро. Другой ему вторил, чуть ближе. Слышалось блеянье овец, короткое, жалобное. А прямо под окном – мерный, сонный стук: *тук-тук, тук-тук*. София замерла, слушая. Это било ее по вискам, вытесняя последние остатки сна. Не гул машин, не рев мусоровоза под окнами ее питерской однушки, не соседский перфоратор. Петухи. Овцы. И этот стук… Позже она узнает, что это был дятел на старом ясене под окном.

Она лежала, не открывая глаз, цепляясь за последнюю надежду: сон. Страшный, яркий, нелепый сон. Сейчас она откроет глаза и увидит потрескавшуюся штукатурку на потолке своей комнаты, почувствует под боком упругий комок одеяла, которое вечно сбивалось. Но запах…

Воздух пах не пылью, кофе и остывшим пластиком ком-

пьютера. Он пах воском, древесиной и чем-то неуловимо чужим – сухой лавандой, въевшейся в дерево, и холодным камином. И еще – невероятно свежим воздухом, какого не было даже в загородных лесах в ее мире.

София открыла глаза. Над ней был не потолок, а сумрак под балдахином из белого муслина. Он колыхался от сквозняка. Она медленно повернула голову. Тусклый рассветный свет пробивался сквозь маленькое окно, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Комната. Чужая. Тихая. Угрюмая.

Память нахлынула лавиной: дорога, грязь, Эдвард, карета, ледяные взгляды, платье Мэри… **Агата**.

Сердце упало и забилось с бешеной силой. Она резко села, и голова закружилась от резкого движения и голода. Одеяло, тяжелое, из плотной шерсти, сползло с нее. На ней была чужая ночная рубаха, так мило выделенная ей хозяевами поместья.

Под подушкой что-то мешалось. София замерла, потом сунула руку под холщовую наволочку. Пальцы нащупали знакомую, мягкую фланель. Она вытащила свою пижаму. Совы. Глупые, улыбающиеся совы на синем фоне. Ком в горле встал такой тугой и болезненный, что она задохнулась.

«Моя пижама, – подумала она, прижимая фланель к лицу. – *Моя дурацкая, старая, любимая пижама. В ней я сидела за компом, читала книги, пила чай с Агатой. В ней я была собой. А теперь... теперь это единственное, что у меня осталось от той жизни. Если я потеряю ее, я сойду с ума».*

Она еще минуту прижимала пижаму к лицу, вдыхая слабый, почти улетучившийся запах своего порошка и дома. Потом быстро, озираясь, словно боясь, что за ней подглядывают, свернула одежду в тугой комок и сунула в глубину комода, под стопку грубого белья. Спрятать. Сохранить. Это было все, что у нее осталось.

Ноги сами понесли ее к окну. Пол под босыми ступнями был ледяным, доски скрипели с иной, незнакомой тональностью. Она откинула простую холщовую занавеску.

И застыла.

Никаких дворов-колодцев, мусорных баков, припаркованных машин. Перед ней расстилался сдержанный, но уже пробуждающийся мир Хартфилда. Прямо под окном – хозяйственный двор, вымощенный булыжником, по которому сонно бродили куры. Дальше – длинное, низкое здание конюшни с полуоткрытыми дверями. Оттуда доносилось фырканье и стук копыт. Мальчик-конюх в грязном фартуке тащил охапку сена. Из кухни, пристройки с трубой, из которой валил густой дым, вышла женщина с корзиной и что-то крикнула служанке, таскавшей воду из колодца. Все было аккуратно, привычно, укоренено в этом чужом месте.

А за пределами двора, за низкой каменной стеной, лежали поля, подернутые утренней дымкой. И лес на горизонте. И бескрайнее, бледное, весеннее небо.

Это не было похоже на съемочную площадку или театральные декорации. Это было слишком реально. Слишком

подробно. Запах навоза и сырой земли достиг ее ноздрей даже сквозь стекло. Это была жизнь. Другая жизнь. В которую ее вбросили, как посторонний предмет в отлаженный механизм.

Рука сама потянулась к щеке. Ущипнуть себя? Бесполезно. Боль была бы здесь так же реальна. Она уже чувствовала ее – глубокую, ноющую, под ребрами. Тоска. Паника сменилась тяжелым, свинцовым осознанием.

«Это не сон, – проговорила она мысленно, глядя, как солнце золотит крышу конюшни. – *Я здесь. На самом деле здесь. И Агаты нет».*

Она ухватилась за подоконник, чувствуя, как подкашиваются ноги. Окно не открывалось. Или она просто не знала, как это сделать. Стекло было холодным и слегка волнистым, искажая мир снаружи, делая его еще более чужим.

Где-то внизу хлопнула дверь. Раздались шаги, голоса – приглушенные, деловитые. Дом просыпался. Начинался ее первый полный день в этой ловушке из полированного дуба и добрых намерений.

София отступила от окна. Дрожь внутри стихла, сменившись ледяной, пустой решимостью. Спина выпрямилась. На губы натянулась ничем необязывающая дежурная улыбка. Нужно было двигаться. Дышать. Наблюдать. Играть роль.

«Я – Софи, которая потеряла память. Я ничего не помню. Я безобидна. Я благодарна. Я буду тихой мышкой, пока не придумаю план. Агата, держись. Я тебя найду. Мы еще

посмеемся над этим приключением, когда вернемся домой. Если вернемся...»

Она подошла к кувшину с водой, оставленному с вечера, плеснула ледяной жидкости на лицо. Вздрогнула от шока, но это помогло. В мутном зеркале на нее смотрело бледное, лицо в обрамлении темных, всклокоченных после сна волос. Лицо пленницы.

«Хорошо, – подумала девушка, встречая свой собственный взгляд. – *Начнем».*

***

Через несколько часов после ее пробуждения, приехал доктор, важный пожилой господин в напудренном парике. Его осмотр был поверхностен: пульс, взгляд на зрачки, несколько вопросов.

– И вы абсолютно ничего не помните о себе, дитя мое? Ни имени, ни семейства?

– Помню… что меня зовут София. И… общие вещи. Как говорить, как есть. Но кто я, откуда… пустота, – ответила Соня, стараясь, чтобы голос дрожал.

Доктор покачал головой, пробормотал что-то о «лихорадке, вызванной жестоким потрясением». Диагноз его, сколь ни был он расплывчат, однако ж узаконил её состояние в глазах семейства. Он прописал покой и время.

После его отъезда для Сони началось погружение в строгий распорядок Хартфилда. Завтрак, обед, ужин – все в определенный час. Вечерние собрания в гостиной, где ми-

стер Флинт читал газету, миссис Флинт вышивала, Мэри музицировала, а Эдвард читал какие-то книги в темных обложках с едва различимыми буквами названий.

«Интересно, что он читает? – Соня украдкой поглядывала на Эдварда, сидящего в кресле у камина. – *На обложке ничего не разобрать. Может, это какой-нибудь роман? Или философия? Он вообще производит впечатление человека, который много думает. Слишком много для своих лет. В наше время парни его возраста в основном в телефонах сидят или в компьютерные игры играют. А этот... сидит с книгой, и на лице такое выражение, будто он решает мировые проблемы. Интересно, о чем он думает, когда смотрит на меня? Наверное, гадает, не сумасшедшая ли я. Или не аферистка. А может, ему просто все равно?»*

Прислуга вела себя с ледяной, отстраненной вежливостью. Горничная, приходя убирать комнату, делала это быстро и молча. София чувствовала на себе их взгляды – оценивающие, подозрительные. Каждое ее слово, каждое действие, без сомнения, становилось предметом обсуждения внизу, на кухне.

Единственным проводником в этот чужой мир оставалась Мэри. С искренним энтузиазмом она знакомила Соню с домом: показывала скромную семейную библиотеку, зимний сад с чахлыми растениями, рассказывала о соседях, о старом сквайре, о викарии. В ее болтовне София вылавливала драгоценные крупицы информации о социальных нормах, мест-

ной иерархии, неписаных правилах.

«Запоминай, Соня, запоминай, – приказывала она себе, слушая щебетание Мэри. – *Кларки – соседи, у них сын – заносчивый, значит, с ним надо держаться осторожно. Сквайр Бэнкрофт – старый и влиятельный, его надо уважать. Викарий – духовное лицо, с ним надо быть паинькой. Это как квест, только вместо подсказок – болтовня восторженной девочки. Спасибо тебе, Мэри, ты даже не представляешь, как ты мне помогаешь».*

Однажды, оставшись наедине в библиотеке, София с разрешения мистера Флинта (полученного с большой неохотой) взяла с полки несколько томов. Это были не только романы, но и исторические хроники, географические атласы. Сердце ее бешено заколотилось, когда она нашла на столе свежий экземпляр «Морнинг Кроникл». Она жадно вглядывалась в строки. Лондон, Бат, парламентские дебаты, цены на зерно… Но имена, детали, даты – все было каким-то смазанным, неузнаваемым. Король Георг, но не тот, о котором она знала. Сражения при каких-то Майденфордах и Гринвичах, которых не было в ее учебниках истории. Это была не ее Англия. Это была ее стилизация, словно собранная из общих воспоминаний в романах той эпохи. «Нарративное поле», – с ледяной ясностью подумала она. Мир-симулякр.

Она искала и намеки на магию, на необычные события, но находила лишь сухие сводки о сельском хозяйстве и светские сплетни. Мир настаивал на своей рациональности.

С каждым днем напряжение росло. Взгляд миссис Флинт становился все более пристальным. За вечерним чаем она, будто невзначай, спросила:

– Вы, должно быть, хорошо образованы, мисс Софи? Манера речи выдает... Вы не помните, к какому классу принадлежала ваша семья?

Она искала для нее подходящую социальную нишу, чтобы точнее оценить риски и возможности.

«Класс! – мысленно застонала Соня. – *Она хочет знать мой класс! Что я ей скажу? Что я из среднего класса, из России, из двадцать первого века? Что мой папа – инженер, а мама – учительница? Она подумает, что я сошла с ума. Надо что-то придумать...»*

– Я… я не помню, – ответила Соня, опуская глаза. Она так и не смогла вообразить ничего стоящего.

***

Первый разговор с Эдвардом произошел неожиданно. Однажды после ужина, когда другие разошлись по комнатам, он задержался в гостиной, поправляя огонь в камине. София уже собиралась уходить, когда молодой человек окликнул ее.

– Мисс Софи, – тихо произнес он, не оборачиваясь. – Вам… удобно у нас? Не нужно ли вам чего-либо? Книг для чтения, может быть?

В его тоне не было любопытства, только ответственность хозяина, чувство долга. Он был источником ее спасения и в то же время – ее главным надзирателем.

– Все прекрасно, мистер Флинт, – ответила она, и ее голос прозвучал неестественно громко в тишине комнаты. – Я более чем благодарна за вашу доброту.

«Более чем благодарна, – повторила она про себя. – *Отвратительно звучит. Ты просто идиотка, Софи. Надо было сказать что-то более искреннее. Но что? „Спасибо, что не дали мне замерзнуть насмерть“? „Спасибо, что придумали историю про ограбление“? Он и так все знает. Он же видел меня в той пижаме. Он понимает, что история про ограбление – липа. Но молчит. Почему?»*

Он кивнул, и на этом разговор иссяк. Но этот короткий обмен репликами почему-то заставил ее сердце биться чаще. Не от страха. От чего-то другого, более сложного.

«Что это со мной? – подумала Соня, поднимаясь к себе. – *Почему у меня сердце колотится? Он просто спросил, удобно ли мне. Обычная вежливость. Не более. Не смей влюбляться в литературного персонажа, идиотка! Ты здесь не за этим. Ты должна найти Агату и выбраться. А он... он просто персонаж. Красивый, но ненастоящий».*

***

Финальным аккордом той недели стал маленький, но красноречивый жест. После завтрака миссис Флинт неожиданно подозвала Соню.

– Ваше платье, хоть и чистое, выглядит несколько… пустым у горла, – сказала она, не глядя Софии в глаза. – Это может произвести неверное впечатление. Возьмите.

Она протянула узкую полоску тонкого кружева – старый, но изящный воротничок.

«Воротничок, – Соня благодарно приняла кружево, чувствуя себя Золушкой, получившей обноски от мачехи. – *Чтобы я не позорила их дом своим голым горлом. Чтобы все видели: я – под опекой, я – приличная девушка, хоть и нищая. Спасибо, миссис Флинт.».*

***

Вечером того дня София стояла у своего окна, глядя, как последние лучи солнца окрашивают хозяйственные постройки в золотистый цвет. Первый шок прошел. Унижение от неловкого положения притупилось, сменившись постоянной, фоновой тревогой. Она понимала теперь: Хартфилд – не убежище. Это золотая клетка с бархатными стенами и железными правилами. Доброта здесь была переплетена с долгом, любопытство – с подозрением. Ее амнезия была и щитом, и ловушкой, лишавшей ее права на собственную историю.

«Хватит, – сказала она себе, глядя на закат. – *Завтра же начну искать. Опрашивать слуг, рыться в библиотеке, искать любые зацепки. Если Агата здесь, она тоже будет искать меня. Она не пропадет, она слишком громкая и яркая для этого мира. Я найду ее. Мы вместе найдем выход. А пока... пока буду играть роль. Учиться правильно держать чашку и говорить о погоде. Но внутри я останусь собой. Соней из Питера, которая верит, что даже из самой дурацкой*

ситуации есть выход».

Тихая, внутренняя борьба за выживание в этом чужом, прекрасно обставленном мире только начиналась.

4

Первые дни в Хартфилде слились для Сони в одно непрерывное, сюрреалистичное полотно, вытканное из непривычных ритуалов, тягостной вежливости и пронзительной тоски по всему, что было ей дорого. Ее существование было помещено под стеклянный колпак заботы, под которым так легко было задохнуться.

Каждое утро начиналось с визита Сюзанны, которая приносила теплую воду для умывания и помалкивала, как рыба. За завтраком в светлой столовой Соню встречали тщательно отмеренные порции внимания. Мистер Флинт за газетой «Морнинг Кроникл» бросал короткие, деловые вопросы: «Вы хорошо почивали, мисс Софи? Голова не беспокоит?». Ответы должны были быть столь же краткими и благодарными. Миссис Флинт наблюдала за тем, как она управляется с ножом и вилкой, с таким видом, будто ожидала, что Соня вот-вот начнет есть руками. Любая оплошность, любое неловкое движение фиксировались ее острым взглядом и, как чувствовала София, заносились в невидимое ментальное досье.

Эдвард был немногословен, но его присутствие ощущалось постоянно. Он не приставал с расспросами, но в его тишине читалось напряжение – ответственность за нее, за эту живую загадку, которую он привез в дом. Порой София ло-

вила на себе его задумчивый, изучающий взгляд, но стоило ей встретиться с ним глазами, как он тотчас отводил их к окну или тарелке.

«Что же он обо мне думает? – гадала Соня, украдкой наблюдая за ним. – *Жалеет, что подобрал? Боится, что я навлеку беду на его семью? Или...* – она поймала себя на этой мысли и тотчас же одернула. – *Не выдумывай. Нет никакого «или». Он просто вежливый человек, который сделал доброе дело. Не более. Хотя... он красивый. Очень. В наше время такие не водятся. Там все больше парни с дурацкими стрижками, гаджетами и вечными проблемами. А этот... сидит с книгой, молчит, и от него прямо веет какой-то надежностью. Агата бы сказала: „Сонь, не влюбляйся в литературного персонажа, это клиника“. И была бы права. Но сердцу не прикажешь, оно колотится как ненормальное, когда он на меня смотрит. Даже если смотрит просто так».*

***

Главным спасением, ее проводником в этом новом аду этикета, стала Мэри. Она с энтузиазмом взяла Соню под свое крыло, заполняя ее дни занятиями, призванными, по ее мнению, развеять тоску и, возможно, пробудить память. Они гуляли по садам, где Мэри называла растения, большинство из которых София знала только по сушеным пучкам в своей старой комнате. Они сидели в гостиной, и Мэри музицировала на спинете, наигрывая сентиментальные мелодии, и у Сони сжималось сердце от их простодушной, чуждой ей

трогательности.

И именно в этих беседах София начала собирать по крупицам информацию о мире, в который угодила.

– Вы так хорошо образованы, мисс Софи, – заметила както Мэри, когда София, не подумав, поправила ее произношение французской фразы. – Вы, должно быть, много читали.

– Я… у меня смутное ощущение, что да, – осторожно ответила София, используя свою легенду как щит. – Но конкретных книг, увы, не помню. А что читаете вы?

Мэри оживилась. Оказалось, она обожает романы, но не те «ужасные сентиментальные глупости», которые читают некоторые барышни, а истории о приключениях, о сильных чувствах.

– Вот недавно перечитывала «Удольфские тайны» миссис Радклиф, – призналась она, понизив голос, будто говоря о чем-то неприличном. – Это так захватывает! Замки, тайны, благородные разбойники…

Она назвала еще пару имен, которых София не знала, пару – которые звучали подозрительно знакомо, но не из литературных хрестоматий, а словно из параллельной реальности. Не было Диккенса, не было Теккерея, по крайней мере, в том виде, в каком она их помнила.

Однажды, когда мистер Флинт уехал по делам в соседний город, София, под предлогом поиска «чего-нибудь для

чтения, чтобы занять мысли», упросила Мэри показать ей домашнюю библиотеку. Это была небольшая, заставленная шкафами комната на первом этаже. Воздух здесь пах старым клеем, кожей и забвением.

Пока Мэри с энтузиазмом вытаскивала том за томом, София подошла к столу, где лежала свежая газета. «Морнинг Кроникл. 17 апреля 181…» Последняя цифра была смазана. Она жадно впилась глазами в колонки. Политические новости говорили о каких-то парламентских дебатах, о «действиях Его Величества на континенте», но имена министров, названия стран – все было каким-то непривычно-стертым, общим местом. Экономика: цены на зерно, новости о разработках в Корнуолле. Светская хроника: кто куда прибыл, кто дает бал. Ничего, что кричало бы о конкретной, узнаваемой исторической вехе. Это был мир-симулякр, аккуратно собранный из общих представлений об английской жизни начала XIX века, но лишенный острых, индивидуальных черт. «Нарративное поле», – с ледяной ясностью подумала она. Не история, а ее литературная стилизация.

Ее поиски прервал голос Мэри:

– София, посмотрите! Я нашла! – Она держала в руках тонкий еженедельный журнал. – Это объявления! Папа́, как и обещал, поместил его во все крупные издания.

София, с внезапно похолодевшими пальцами, взяла журнал. Среди объявлений о пропавших собаках, продаже эки-

пажей и предложениях услуг гувернанток она нашла искомое: «ПОИСК РОДНЫХ. Найдена молодая леди, назвавшаяся мисс Софией. Найдена на большой дороге близ Хартфилда 12 апреля, без вещей и воспоминаний. Приметы: лет 20-ти, стройного сложения, темные волосы, серые глаза, говорит без простонародного акцента. Любой, имеющий сведения о пропавшей особе, может обратиться к мистеру Ф. в Хартфилд».

Соня почувствовала, как кровь схлынула с ее лица. Мистер Флинт дал объявление. Теперь любой человек с дурными намерениями может заявиться в этот дом и объявить себя ее родственником или даже мужем. И никто из Флинтов даже не подумает проверять на честность проходимца. Напротив, они с радостью передадут девушку в его лапы, и с облегчением избавятся от этой тяжелой ноши, которой наградил их добропорядочный Эдвард. А дальше ее судьба будет полностью зависеть от прихоти незнакомца.

– Вы… вы так побледнели, – обеспокоенно заметила Мэри. – Это же хорошо! Теперь ваши родные наверняка вас найдут!

– Да, – с трудом выдавила из себя София. – Я очень тронута добротой ваших родителей и надеюсь, что скоро моя семья меня отыщет.

«*Семья,* – подумала она, возвращая журнал. – *Моя семья сейчас в двадцать первом веке, в России, и понятия не имеет, что я здесь. Папа с мамой, наверное, с ума сходят. Сей-*

час как найдут старую газету девятнадцатого века, в которой говорится обо мне и примчатся, как же. Бред. Какой же бред! Но теперь любая мразь может представиться моим "родственником". Надо быть наготове. Но как? Агата бы знала. Агата бы придумала что-нибудь. А я... я просто трясусь от страха».

***

В этот же день, после обеда, миссис Флинт пригласила Софию пройтись по саду. «Апрельский воздух полезен для здоровья и ясности ума», – сказала она, и это прозвучало как медицинское предписание, а не предложение.

«Сейчас будет разговор, – поняла Соня, следуя за хозяйкой дома. – *Не просто прогулка. Она хочет о чем-то поговорить. О чем? О моем будущем? О том, что я им мешаю? Или о том, как поскорее меня сплавить? Держись, Соня. Что бы она ни сказала, держи лицо. Ты – бедная больная девушка с амнезией. Ты ничего не знаешь. Ты просто очень благодарна».*

Вопреки ожиданиям Сони, сад Хартфилда не был тщательно выстриженным парком. Он был английским, живописным, и в конце апреля просыпался от зимнего сна, демонстрируя дерзкую, небрежную красоту. Солнце, еще нежное, но уже набирающее силу, пригревало спину. Воздух был влажным и густым от запахов: сладковатой гнили прошлогодней листвы, свежевскопанной земли и первых, робких ароматов. По дорожкам из рыжего гравия, обсаженным

пушистыми самшитовыми бордюрами, они вышли к лужайке, где уже желтели островки первоцветов и нарциссов. Где-то в глубине парка алели, как пятна крови, первые тюльпаны. С верхушек старых дубов и каштанов неслась неугомонная трель птиц – такой оглушительный, жизнеутверждающий концерт, который казался прямым оскорблением тишине, царившей внутри дома.

«Как красиво, – подумала Соня, несмотря на страх. – *Настоящая английская весна, как в кино. Только в кино после этого обычно начинается любовь и счастье, а у меня – допрос с пристрастием».*

Миссис Флинт шла неспешно, ее темное, строгое платье и прямой стан казались чужеродным, диссонирующим элементом в этой буйствующей нежности.

– Надеюсь, вам нравится наш сад, мисс Софи, – начала она, не глядя на цветы, а словно проверяя взглядом ровность гравия под ногами. – Природа, как и общество, лучше всего функционирует в рамках определенного порядка. Даже в этой кажущейся свободе есть своя иерархия.

София молча кивнула, вдыхая воздух, от которого кружилась голова. Эта красота была пыткой. Она напоминала ей о мире за стенами, о свободе, которая была так близко и так недостижима.

– Мы поместили объявления о вашей персоне, – продолжила миссис Флинт, делая паузу у куста сирени, чьи набухшие, лиловые почки вот-вот готовы были лопнуть. – Наде-

юсь, это принесет плоды. Однако жизнь требует практического подхода, а не одной лишь надежды. Мы должны рассмотреть и другие сценарии. Что, если ваши родственники… не откликнутся? Или их вовсе не существует?

Вопрос повис в воздухе, резкий и неумолимый, как внезапный порыв ветра, предвещающий дождь.

– Вам необходимо подумать о будущем, – хозяйка дома обвела взглядом окрестности, но видела, кажется, не красоту, а потенциальные хлопоты: непрополотый сорняк, неподрезанную вовремя ветку. – Вы – молодая женщина без прошлого, состояния и связей. Это… крайне уязвимая позиция. Природа не терпит пустоты. Пустующее место быстро заполняется либо сорняком, либо тем, что посажено умелой рукой.

Она повернулась к Софии, и ее взгляд стал пристальным, оценивающим, словно она выбирала, на какую именно клумбу можно пересадить это незнакомое, случайное растение.

– Позвольте задать несколько вопросов. Не для праздного любопытства, а для составления плана действий. Ваши навыки – это единственный капитал, на который вы можете рассчитывать. Вы владеете иглой? Вышиваете? Шьете гладко и аккуратно?

– Я… полагаю, базовые навыки у меня есть, – осторожно сказала София, чувствуя, как на фоне птичьего гама ее голос звучит слабо и потерянно.

«На труде в школе вышивала котят крестиком. И крои-

ла юбку. Еще дырку на носках могу заштопать и пуговицу пришить, если потребуется. Надеюсь, этого достаточно».

– «Базовые навыки» – понятие расплывчатое, – парировала миссис Флинт, тронув кончиком зонта только что пробившуюся между плитками травинку. – Можете вышить вензель? Составить выкройку? Рассчитать расход ткани на шторы для гостиной? Ведете ли хозяйственные книги? Разбираетесь в ценах на рынке? Умеете спланировать закупку провизии на месяц для семьи и прислуги, не допустив ни излишеств, ни недостачи?

«Господи, – думала Соня, слушая этот допрос. – *Я ничего этого не умею. Я умею читать книги, писать конспекты, разбираться в символизме и древних языках. Я умею сидеть в интернете и заказывать пиццу. Я умею включать стиральную машину и пользоваться микроволновкой. А здесь... здесь я никто. Бесполезный придаток. Даже шторам цену не могу назвать. Да и разве этим всем должна заниматься леди? Я всегда думала, что для этого нужны экономки. Если только меня не хотят кому-нибудь пристроить как раз в качестве прислуги».*

Вопросы сыпались как град, холодные и методичные. Каждый измерял ее полезность, ее потенциальную рентабельность. Пчела, жужжа, врезалась в рукав Сони и отлетела прочь, к цветам – к своей простой и ясной работе.

– Я… не уверена, – призналась София, глядя, как ветер колышет нежные головки нарциссов. – Возможно, теорию я

знаю, но практика…

– Теория без практики в нашем мире – это бесплодное цветение, – резюмировала миссис Флинт, жестом указывая на огромную магнолию, чьи восковые, бледно-розовые цветы, не успев распуститься, уже коричневели по краям от ночных заморозков. – Красиво, но итог плачевен. Музицируете? Играете на фортепьяно, чтобы скрасить семейные вечера?

– Да, я знаю немного ноты, – прошептала София.

– Французский язык? Итальянский? Читали ли вы труды богословов? Сможете поддержать беседу с викарием или составить каталог библиотеки?

Это была безжалостная инвентаризация. На фоне рождающейся жизни, ее личность, вернее, ее отсутствие, казалось особенно жалким.

– Я читаю, – слабо попыталась парировать София, чувствуя, как комок растет в горле. – И… умею слушать.

– «Умение слушать» – достоинство компаньонки, – отметила миссис Флинт, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде расчета. – Но и ему нужно учиться. Слушать нужно правильно: с должным вниманием, но без излишней вовлеченности. Вот меня вы слушаете плохо, мисс Софи.

Она сделала шаг ближе, перекрывая собой солнечный свет и вид на цветущий миндаль. Запах лаванды от ее платья перебил весенние ароматы.

– Мистер Флинт – человек долга. Но долг имеет свои пределы, как и бюджет имения. Если ваша семья не найдется,

вам нужно будет занять определенное, четко обозначенное место. Положение бедной родственницы, живущей на подачки, – это сорная трава у парадного входа. Ее терпят, но всегда готовы вырвать. Положение компаньонки – это полезное растение в огороде. Неброское, но необходимое. И есть, разумеется, третий путь. Наиболее предпочтительный для всех молодых леди и для вас в том числе.

Она выдержала паузу, дав словам упасть на подготовленную почву.

– Брак. Даже без приданого, но с безупречной репутацией, кротостью и практическими умениями, можно привлечь внимание достойного человека. Викария. Вдовца с детьми, нуждающегося в хозяйке. Младшего сына соседа, которому нужна бережливая жена для небольшого поместья. Но для этого, – ее голос стал тверже, холоднее, – вам необходимо дать понять, что вы – не бремя, а потенциальная выгода. Выздороветь. Проявить те самые навыки. Показать, что вы способны принести пользу, а не только потреблять ресурсы. Стать предсказуемой, как этот самшит. Аккуратной, как выстриженный газон.

«Господи, что за ужасный мир? Дома я могла работать, учиться, жить одна, ни от кого не зависеть. А здесь... здесь женщина без денег и связей – это просто предмет, который нужно пристроить, чтобы не мешался».

София стояла, сжимая ледяные пальцы в кулаки. Контраст был невыносим. Вокруг бушевала жизнь, лопались

почки, пели птицы, а ее втискивали в тесную, уродливую форму. Из нее, как дикий побег, собирались сделать привитое, культурное растение, которое будет цвести тогда, когда нужно, и там, где укажут.

– Я не хочу пугать вас, моя дорогая, но есть и четвертый путь. Для тех, кто не нашел места в нашем светском мире. Служение Богу – один из возможных исходов. Монастырь. У вас будет крыша над головой и еда. Это более чем достаточно для женщины, у которой ничего нет.

Соня побледнела. Миссис Флинт угрожала ей. Не явно, конечно нет, она бы никогда не опустилась до прямых угроз. Но это было ледяное предупреждение – не пристроишь сама себя в хорошие руки, мы отвезем тебя в монастырь. А как знала София из истории, из монастыря вернуться в привычный мир будет уже невозможно.

– Я понимаю, – выдавила девушка, глядя куда-то поверх плеча миссис Флинт, на клубящиеся в синем небе облака.

– Я не сомневаюсь в вашем понимании, – кивнула миссис Флинт, и в ее тоне появилась тень удовлетворения. – Разум – это хорошее начало. Я прослежу, чтобы Мэри включила вас в свои занятия. Час шитья с утра. Час ведения домашней бухгалтерии под моим присмотром после полдника. Мы приведем ваши «базовые навыки» в божеский вид. Это послужит вам фундаментом, в каком бы направлении ни повернулась ваша судьба.

Это не было предложением. Это был приговор. Курс пре-

образования в удобный, безопасный предмет обихода.

– Благодарю вас, миссис Флинт, за… вашу предусмотрительность, – прошептала София, заставляя губы произнести нужные, горькие слова.

– Отлично, – сказала хозяйка дома и, словно закрыв деловой вопрос, плавно развернулась к дому. – Теперь, кажется, пора вернуться. Солнце, при всей его пользе, может быть коварным для незащищенной кожи.

София последовала за ней по гравийной дорожке, обратно в тень высоких стен. Позади оставался шумящий, цветущий, бесконечно свободный сад. Впереди – тихие, прохладные комнаты, счетные книги и коробка с нитками. И тиканье часов, отсчитывающих время, отпущенное ей на то, чтобы перестать быть собой.

Вечером, сидя в своей комнате, девушка смотрела на пламя свечи и понимала: она в западне. Время работает против нее. С одной стороны – растущее подозрение миссис Флинт, которая видела в ней лишь обузу. С другой – эти злосчастные объявления, которые могли привлечь внимание куда более опасных людей. С третьей – полная неизвестность о судьбе Агаты и абсолютная беспомощность в поисках способа вернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.